

[Введите текст]

Из дневников 1987 года

24 марта 1987 г. (вторник) Дети и Люда ушли в сад. Наконец проглядывает солнце. Звонила Альвина, ей понравился мой натюрморт на выставке. А у меня, видимо, упадок Духа, ничего не радуется.

26 марта 1987 г. (четверг). Наконец солнечно. Потеплело. Странная вещь. Звонила представительница Горкома. Завтра в четыре часа заседание общества любителей книги. Меня зачем-то выбрали в правление. «Работа с массами»?

28 марта 1987 г. (суббота). В музее стоят две красивейшие постановки, надо будет порисовать самому. Сегодня так называемый «День памяти», вновь учрежденный социалистический день.

Вечером звонила мама и позвала примерить берет. Мира говорила, что никто из художников-педагогов не был на Дне памяти в училище.

31 марта 1987 г. (вторник). Разобрал планшеты и доски для стеллажа. Хватает. Сегодня я отдыхаю дома. Что-то Альвина стала часто звонить.

29 мая 1987 г. (пятница). Пошел в училище. Там известили, что едем на прополку хлопка с 1-го числа. Назавтра в 10 часов назначили собрание.

14 мая 1987 г. Разбираю свои холсты, снятые с подрамников прошлой зимой. Собираю лучшие работы для будущей выставки, сортирую их по размерам. Работ много и холстов и фанер и картонов. Но нужно думаю их постепенно оформлять, готовить для них подрамники, окантовывать. Это только живопись маслом и темперой, а ведь много еще графики, акварели, пастелей и т.д.

19 мая 1987 г. Я страдал несколько лет от чувства заброшенности и одиночества, когда в 1981 году приехал сюда в Нукус. После студенческой, вольницы и дружества, мне было одиноко. Но постепенно привык. В последнее время я стал дичком и никто мне уже не нужен. В первые годы приезда сюда, отпустил бороду, пил. Теперь я пообтрепался, сбрил бороду, не пью, не курю и осталась одна страсть, помимо семьи, покупать книги, охотиться за ними.

20 мая 1987 г. Был в училище. К сожалению Мария Степановна, наш кассир ушла в отпуск и я не могу получить зарплату. Расчищал в музее работу Федяевской. Кажется, что написано какой-то смолой. Возвращают прежней владелице. Работал до ранних сумерек в мастерской. Описывал собственные холсты и вешал их на стену.

21 мая 1987 г. Получил 40 рублей в училище и купил кое-какие продукты. Масло 10 бутылок, сахару, спичек и немного сока виноградного для детей.

Встретил на лестнице Мадгазина Фаима. Деятельный человек, увидел, что я что-то кладу в сетку и спрашивает – не деньги ли я считаю. Издевается или шутит или совершенно помешался на деньгах.

23 мая 1987 г. Прочел «Метель», «Три смерти», «Люцерн» Л. Толстого. Интересные вещи. Он описывает события, бывшие с ним, и вкладывает туда много мыслей и чувств. Одним словом увековечивает в прозе частицы себя. Думаю, что этот секрет необычайной популярности русских писателей 19 века на Западе связан еще и с тем (помимо совершенства художественного книги), что верующие люди христианской культуры, а писатели Запада ушли от этой культуры.

24 мая 1987 г. Описал часть работ на картоне, те, что дома на стеллаже. Показал Люде, что к чему и в каких тетрадах. Нумерацию, обозначения и что не надо хранить вместе с работами. И потом, когда-нибудь, они пригодятся для каталога.

[Введите текст]

То, чем я занимаюсь можно выразить одной фразой, я «Подвожу итоги». Закончил целый период жизни и работы. Был перерыв полуторалетний и начнется ли нечто новое? Но старое надо привести в порядок, чтобы к нему не возвращаться. Жаль, что я когда-то сжег свои детские работы, было бы интересно вернуться к ним. Конечно, это было сделано в минуту глубочайшей депрессии, я думал наработать новые работы и наработал и даже много, а детских работ все же ничто не заменит.

26 мая 1987 г. Вчера была жуткая пыльная буря. Арал мстит. Здесь становится все невозможнее жить. Экологическое равновесие нарушено. И среда стала агрессивна к человеку.

1 июня 1987 г. (понедельник). Проснулся около 5 часов утра, снилась ночная пьянка с художниками и там была, вроде, Альвина.

4 июня 1987 г. (четверг). С субботы нервотрепка, ссорился с Людой по мелочам. Просмотрел и прочел все самое интересное в «Огоньках» за прошлый год. Люда сказала, что я живу не своей жизнью, а жизнью книг и журналов.

Шестой час утра. Далекое тонкое пение петухов и мелкое тьякканье собачки, где то. Уныло горящий во тьме фонарь, льющий белый мертвенный свет. Дети плохо спят, что-то им снится.

8 июня 1987 г. (понедельник). Альвина по-прежнему попрекает, что я мало работаю. Договорились с Вале́й, что я буду летом с июня работать на полную ставку.

Написал заявление с 8 июня на должность основного работника в музей. В музее лекция была по зороастризму и осуждали вопрос - самый мучительный – кому ехать на прополку хлопка. И обычные музейные свары баб, что-то тягостное связанное с клеветой на Иру. Она синяя лежит дома, ее мама откачивает уколами.

9 июня 1987 г. (вторник). В музее после обеда видел Кравченко и младшего Волкова, выглядят очень свежо. Проездом из Ферганы в Ташкент. Рассказывали о поездке. Волков определял музейные картины отца, называл даты.

10 июня 1987 (среда). Съездил в музей, поработал. А-на опять, проходя, сказала, что в 5 приходите и в 4 уходите. Эта фраза кажется ей очень остроумной. Я не обостряю отношения, молчу.

11 июня 1987 г. (четверг). Вчера читал допоздна газеты. Разгромная статья К. Икрамова о Рашидове и т.д.

После полудня был в музее. Укреплял картину Волкова «Завод в горах». Смотрел картины Волкова «Помидоры». Прекрасные живописные вещи.

13 июня 1987 г. (суббота). Жадно и много читаю, размышляю и стараюсь жить размеренной жизнью. Изучаю картины в музее и меняю полностью мировоззрение об искусстве. Помнится, Савицкий говорил о том, что это невероятно трудно переделывать себя, перестраиваться.

14 июня 1987 г. (воскресенье). В последние дни много рисую автопортретов шариковой ручкой и зарисовки.

И какой рок привел нас, детей Алимжана сюда в эту жуткую пустыню !? Все время вспоминаю слова Савицкого «Какая это все-таки провинция», о Нукусе, в последние месяцы его жизни в Нукусе.

Ван Гог был невероятно одинок в личной жизни. И писал письма брату подробные – это был выход из атмосферы одиночества. Мне же некому писать и вот веду дневник, обращенный в будущее, скорее всего, к сыну.

[Введите текст]

15 июня 1987 г. (понедельник). Все так горько и противно. Где то вдали Венеция и пляжи Средиземноморья, где то счастье, светлая жизнь. А здесь коровы, кормящиеся на помойках, там же бляющие тощих коз, что отражается на их физиономиях. Постылая тоска. Вот и срываешься на жене, на детях.

16 июня 1987 г. (вторник). Грязь и мусорки, асфальт, усыпанный битыми стеклами, во всем этом играют дети у рядов ржавых гаражей, бетонные квартиры-душегубки.

Савицкого нет и карьеры в музее не может быть.

Днем видел в музее на экскурсии работников ЦК, приезжие, спортивного вида, толстые ручищи, полуоблысевшие, атлеты, с толстыми брюхами, висающие под животом брюками. Самоуверенные. Правящая элита. Альвина распиналась перед ними, вела экскурсию, рассказывала о художниках и т. д. Они на все это смотрели без интереса, внимательными, ощупывающими взглядами.

17 июня 1987 г. (среда). Встал в полдесятого. Будил Алима. Туалет, мытье. Отвез его в сад, сдал из рук в руки. Потом был в училище, доделывал документацию. Получил зарплату 25 рублей, из них 3 рубля пришлось отдать на какие-то и чьи-то проводы на пенсию. После обеда зашел в новый музей. Валя дала счет на 350 рублей – закупили мои работы.

18 июня 1987 г. (четверг). Странно, написал сначала 1983 год вместо 1987. Как это было недавно, когда я жил на ул. Горького и был жив Игорь Витальевич.

20 июня 1987 г. (суббота). Вечер. Наступили почти умиротворенные дни. Все постепенно приходит в порядок. Чего так мне не хватало. Начинаю обдумывать свои будущие работы.

21 июня 1987 (воскресенье). 6 часов утра. Разбудила бодрая музыка из избирательного участка. Прохладно. Съездил за кефиром. Около Ташкентского гастронома встретил Альвину Шпаде. Она сделала вид, что не заметила меня. Злится на то, что я в пятницу опоздал на работу. Хорошее утро.

Думаю о Савицком, его времени здесь и его живописи, когда он писал листву деревьев плотными массажи. Избираем советы депутатов, а за молоком огромные очереди народа, а разные начальники еще спят, молоко им привезут.

22 июня 1987 г. (понедельник). О работе в музее. Честно говоря, мне опостылела эта реставрация. Ну что делать - детям нужна еда. Это все-таки заработок, да и закупки картин нужны. Просто не знаю, что делать. Пока приходится терпеть, видимо. И обдумывать свои композиции. Появились опять комары, черт бы их побрал. Подвалы полны воды и гнили.

23 июня 1987 г. (вторник). Жара. Был весь день в музее, таскал скульптуры сверху вниз с Октябрем. Приехала комиссия, какие-то женщины из Москвы и все бабы заговаривают их там внизу, дружно отдают на заклятие нового заместителя по хозяйственной части. «Огрызка», «Хромого», «Маленький», как его называют музейные девицы. Я утром сказал А-не, что не хочу вместе с ней заниматься реставрацией. Она озверела, лютует, оскорбляет, мол, бережете себя для любви, зачем брюки носите, не отработываете даже четверти зарплаты, для вас музей столько делает, а вы неблагодарны, как будто я для музея мало что делал.

26 июня 1987 г. (пятница). Вчера напились до чертиков с преподавателями училища Латыповым, Джаксыбаевым, Тулегеновым в мастерской последнего, пили коньяк. Тулегенов умеет доставать его, посылает какую-то старуху, продавщицу кондитерских изделий в универмаг. Был еще Вася с маленьким сыном. Выпили 3 бутылки. Я съездил домой за сберегательной книжкой и истратил 38 рублей. Жалко, конечно, ну да ладно. Разрядка напряжения и пусть будет вроде садака. Началось все с того, что защиту

[Введите текст]

диплома перенесли на 29-е, на понедельник, а у многих студентов дипломные работы не готовы. Потом нас пригласила на дастархан мать одной ученицы. Ели плов, пили ашхабадскую водку, 3 бутылки. В среднем по одной бутылки на человека, только с хорошей закуской я держался. Вечером долго и агрессивно говорил с Людой, предлагая уехать в Ташкент.

Бедная Люда, как она измучилась со мной и теперь, когда я буду спокоен и тверд, она тоже успокоится и будет спокойна и радостна. Не делать из своей жизни бесконечную муку и тоску. А найти выход в радостном творчестве и созидании. Сейчас не повредит лишний даже пафос. Сейчас решается наша дальнейшая судьба.

1 июля 1987 г. (среда) Третьего, послезавтра Люда с детьми едет в Ташкент к своей матери. Утром Алим был очень вял, слаб, плакал много, просил гречневую кашу и т.д. Работает Люда будет санитаркой или что-то вроде няни в детсаду.

3 июля 1987 г. (пятница) Был у Алексея. Плохо без друга. Живет по-холостяцки с мухами, с потолка течет вовсю в нескольких местах. А ведь умный тип и тонкий живописец.

4 июля 1987 г. (суббота) Вдали розовые торжественные облака и глухие раскаты грома. Из раскрытого окна веет прохладой. Сильный удар грома и с соседних крыш вспорхнула стая птиц и унеслась прочь. Дождь совсем прекратился.

Принялся печатать, напечатал 29 фотографий, некоторые немного недодержал. В целом приемлемые фотографии. Детям будут нужны - когда подрастут. Кстати, и мать Алексея говорит, что главное богатство не деньги или машины, а дети.

7 июля 1987 г. (вторник) Альвина прекрасно знает, что я не смогу уйти из музея. Там и закупка, и зарплата, и выплачиваю я вклады в Госстрах. Жара стоит невероятная. Кстати, Кутымуратову выписали полную зарплату за прошлый месяц 135 рублей. Вот так то. А я получил 57 рублей, как за полставки. Ну да ладно, держаться надо ради детей хотя бы.

Туков рассказывал о себе, о том, как они жили в Турткуле и ходили в кино «Петр 1» и выходили из него, а по громкоговорителям передали речь Сталина о начале Великой Отечественной войны. Пришли домой, а мужики там уже собрались (отец) и пили водку. О том, как 40 летнего отца взяли на второй год на войну из Кунграда. Как он вернулся раненый, о том, как в 50-е годы его арестовали за черную кассу, 300 рублей, дали 10 лет тюрьмы и он не дожил всего неделю до амнистии, после смерти Сталина в 1953 годы. Сам Туков производит хорошее впечатление человека образованного, интеллигентного и доброго. Вид у него старый, усталый, измученный, видимо с похмелья. Он одинок, живет с матерью, собирает и любит книги, особенно зарубежную литературу, книги по искусству, с Алексеем они старые друзья, были вместе в армии. Без семьи. Вот что значит на старости лет остаться без семьи, как Муратов, Квон, Виктор Туранцев, Насыров. Плохо без детей. Я благодарю Бога, что у меня есть дом, семья, Люда, Алимжан и Азиме.

Я понял, что А-на решила больше не ругаться со мной, а «бить по карману» за пропуски рабочих дней. Пора отдыхать, уже второй час. Как не хватает детских голосов, Люды. Плохо. Пора работать творчески.

Веет жаром из форточки. Ничто не колыхнется, пейзаж за окном залит светом и жаром. Вчера в этот несчастный тупик Северный приезжали две пожарные машины. Загорелись у кого-то сараи за домом. Пожар основательный, сгорели две машины и чуть ли не полдома.

Вечер безветренный, лунный, с запахом дыма, испариной и духотой, ревом самолетов и притихшим городом.

Звонила Гулистан из Союза художников, зовут в обком к инструктору обкома некоему Султанову на разговор. Не пойду.

[Введите текст]

9 июля 1987 г. (четверг) А. принесла статью в «Известиях» о том, что финны вычитают прогулы у шоферов, и получает каждый по-разному. Там есть бригадир, вроде десятника, который в записную книжку заносит все прогулы опоздания, ранние уходы. А спрашивает меня – «Что?». Я ответил, что ничего не понял. Прикинулся дураком. Я в отместку обозвал ее старой девой, а она говорит, что она не старая дева. Вообще – как все это гнусно и мелко. К чертям собачьим. Но, думаю, она мне отомстит, это точно. Только как?

10 июля 1987 г. (пятница) В сущности я был не прав, в том смысле, что она провоцировала меня на этот скандал, ей того и надо, чтобы меня уволили или к этому делу вести. Я нужен был Савицкому, а теперь - когда его нет, они выживают меня из музея. Надо будет сделать защелку изнутри и замок повесить новый в мастерской реставрации. А с А. не конфликтовать. С бабой связался, не стыдно ли? У женщины сложная организация природы и физиологии и им труднее дается одиночество. Она хочет найти себе на будущее постоянное место работы реставратора. Я работаю на полставки, а она вроде собирается на полную ставку. М. б. она и права – я «мужик» и должен сам найти себе работу для «пахоты», а она слабая женщина.

Почему-то получается так, что я берусь за чтение Достоевского в самые тяжелые и печальные свои дни. И он усугубляет эту печаль.

А. часто повторяет обо мне, что я талант без целеустремленности, как горная река скатился в болото, по высказыванию одного французского старого художника. Это отчасти верно, даже почти верно обо мне.

С женщинами ничего не добьешься оскорблениями и воплями, а добьешься корректностью и вежливостью, лаской даже, но надо твердо отстаивать свою независимость и покой в работе и об этом надо поговорить с Валей и Бабаназаровой при случае.

Какая лунная ночь за окном, прохладный, влажный ветер. Шум листвы, игра света и тени на деревьях и асфальте и домах. И покой, и широкое вольное дыхание ветра, и легкие облака на огромном небе, и звезды, и большая желтая луна, сияющая у края неба над крышами. Слушаю музыку по транзистору - своему «Океану».

11 июня 1987 г. (суббота) Натянул два холста, чтобы писать, буду грунтовать их. Вижу людей выглядывающих из веранды соседнего дома, желтого освещенного солнцем, как из одиночных бетонных камер. Голоса птиц, детей.

Тоскливо к Алексею ездить, у него все так запущено, все говорит об одиночестве, и крушении жизненных планов, надежд, о холостяцкой жизни, все как-то физически замусорено. Остальные его братья и сестры как-то встали на ноги, обзавелись семьями. А вот со старшим самым в семье не повезло, по видимости, нигде не работает, ни семьи, ни детей, ни будущего. Призрачное занятие живописью, которая с большим трудом и изредка находит сбыт в музее. Жизнь в одиночной камере с редкими выходами в город, за газетами, сигаретами, чаем, хлебом и концентратом супа в бумажных пакетиках.

Роман Достоевского «Игрок» мне не совсем понравился. Есть следы спешки, но отдельные куски с описаниями, например, рулетки просто великолепны. И кончается роман неопределенно. Не поймешь – чем и как кончит этот игрок? Думаю, что игрок оказал влияние на Фиесту Хемингуэя. Какое-то общее ощущение безнадежности и зыбкости существования, в сущности это то же потерянное поколение.

Тишина, только шум и бульканье воды, набирающейся в ванну, шипение и потрескивание газовой горелки колонки. Черный казан и желтый чайник на двухконфорочной плите, соль в пивной кружке. Стол, свет на кухне и тишина кругом и подспудное жужжание

[Введите текст]

кондиционера где-то. Когда меня не будет, думаю, если интересно Алим прочтет мои записи и лучше представит себе, что за человек был его отец.

Что касается газет, то что-то резко прекратился обличительный материал и стало скучнее читать прессу - «Масс Медиа», так сказать. Колоссальная инерция реакции. Как это ни парадоксально, но дремучие массы чиновников, привыкшие жить по указке, отчаянно брюзжат и сопротивляются малейшим переменам.

Целые поколения выросли в покорности и не так-то просто сдвинуть и расшевелить эту заскорузлую, заржавевшую государственную машину и заставить ее работать.

Государство, партия столько лет подавляли живую инициативу человека, что теперь одни призывы не помогают. Посмотрим - что же будет дальше. Моим детям жить в будущем мире и поэтому небезразлично мне, что будет и во что выльются реформы, которые, в сущности последний шанс нам встать или вровень с современностью или мы будем отброшены назад как государство и нация.

12 июля 1987 г. (воскресенье) Почитал немного. Поставил тушиться картошку с тыквой, луком, маслом, приправой, посолил. Слушаю транзистор, удивляюсь я, что тыква сохранилась почти до нового урожая. Надо брать больше тыквы, до холодов хранить укрытыми в гараже, потом занести в дом и есть весь год.

Затихла улица, полдень. Солнце заливает белым светом крыши, землю, гаражи, слоняются жители, курлычут голуби, суетятся, ветер клонит деревья, вдали бегают ребенок. Покой.

Звонила Ольга, позвала поесть, сказала, что приготовила плов.

Моя автобиография – это искания Учителя - Ф. Перова, Ю. Талдыкин, Бурмакин, Плаксин, Бойко, Кокоткин А. С., Савицкий

13 июля 1987 г. (понедельник). Утром опять поцапался с А-ной, побежала к Вале, та позвонила, я не надсмотрщица и ты, мол, должен уважать возраст. Стою на пути А-ны и отсюда обзывания меня паразитом, спекулянтном и т.д. Да, я продаю книги, но на что-то должны жить мои дети. Туго она взялась за меня. Я ее выталкиваю из своей мастерской, а она упирается. Жалко мне ее, она одинока, без семьи, вся жизнь в музее и работе - а женщинам это тяжелее и сложнее гораздо, чем мужчинам.

14 июля 1987 г. (вторник) Вечер, после шести. Узнал случайно у Розы, что мне платят только полставки. Больше работать нельзя. Валя ничего не говорит с тем, чтобы я что-то там отработал за пропущенные дни для оплаты второй половины. Я сказал, что, если платят полставки - я две недели не буду приходить. В обед и после работы был у Алексея, Квона. К нему вроде заходил Тажимуратов и сказал, что художники пьют в мастерской.

В мастерской реставрационной стало уютно, занавесил окна бумагой по совету Елены Андреевны. Описываю картины Петра Сурикова, какая плотная и чувственная живопись. Обнаженные его просто трепещут полнокровием, мощью, чувствуется пастозность, тяжесть и плотность материала.

То, что я на теперь на полставки оплаты меняет дело. Значит, я расплачусь с музеем работой до ноября с июля, получая по 57 рублей, итого 285 рублей. Если повысится зарплата, пушу часть на припасы продуктов. Надо идти зарабатывать деньги в художественном фонде. Делать интерьеры и оформительством заниматься. За 5 месяцев я получу 285 рублей, эти деньги я могу заработать за 2 недели крепкого труда в оформительстве, но при этом надо халтурить, а это значит запродать душу дьяволу, и на это, конечно, я не пойду. Лучше меньше буду есть.

Талант, лишенный целенаправленности, бессмыслен - об этом надо помнить, но и торопиться не спеша. Надо успевать делать капитальные вещи. Заниматься искусством

[Введите текст]

подлинным, потому что все прочее уйдет. Только живопись останется для детей и дети мои, мое продолжение.

Наблюдаю за стремлением Октября к карьере. Он делает только то, что ему необходимо и важно для карьеры. Он стремится стать где-нибудь директором. Четыре года назад подал заявление в партию. С рвением занимается комсомольскими делами. Роет землю под собой и весь обращен вверх, в карьеру. Это чудовищное честолюбие связано еще и с огромным презрением к простым людям. Иной раз страшно смотреть на него. Он не пожалел свою жену бросил и двух детей уже подросших, чтобы снова, но выгодно, жениться.

Я люблю своих детей и Люду и никогда их не оставляю и буду с ними всегда счастлив и в горестях и в радостях.

15 июля 1987 г. (среда) Звонил кто то. Видимо из музея. Я не брал трубку. Я ведь на полставки и свое отработал вперед на полторы недели. Так что я теперь по-настоящему вышел в отпуск. 57 рублей в месяц конечно «достаточно, даже много». Им музейным женщинам виднее. Я ведь говорил и писал заявление, что могу летом работать на полную ставку. Они не смогли дать ее. Им виднее. Хотя Валя часто говорит, что много реставрации, очень много. Я работаю столько, сколько платят, а они экономят на зарплате.

Вот Квон, как он привык сидеть дома и никуда-то его не тянет, сидит сиднем, пьет чай, покуривает, читает газеты, размышляет. Вот завидная жизнь. Ни детей, ни семьи. Покой. Никуда не ходит, на работу. Люди бегают, суетятся, зарабатывают деньги, покупают вещи, книги, мебель, машины, ему нечего не надо. Только по вторникам выходит к лоткам покупает «За рубежом» и сигареты. Когда захочет - пишет свою живопись. Получается интересно. В сущности, художник должен быть материально свободен, чтобы создавать искусство. Или уметь совмещать заработок, материальные лишения, от многого отказываться, будучи фанатически предан одной идее, особенно сейчас, когда живопись не пользуется сбытом за исключением редких закупок в государственный музей или Министерства культуры республик.

Самые важные соседи для благополучия - соседи сверху. И второй раз мне с ними не везет. На ул. Горького мочилась собака сверху - здесь заливают водой постоянно соседка. Что будет, если зальет мои картины и рисунки – боюсь даже думать.

Ночь, около трех часов. Поехал в час 11 к Квону, смотрел, делал зарисовки с Гогена. Какой райский мир. Чудесный художник. А-на читала лекцию о нем, делая упор на отрицательных чертах его характера, изображая его как отъявленного мошенника, на подчас сальных подробностях его жизни. Это было смакование пикантных и даже трагических событий его жизни. Строила свой рассказ на отвратительных сплетнях и только почти из них. А ведь было не только это у гения. После него осталось высокое искусство и ему пришлось за него заплатить страшную цену, отказ от семьи, детей в тяжелой борьбе за свое искусство и признание его.

Все моя жизнь была безалаберна, отсутствие ясной цели, метания из края в край, пьянство, дуралейство и т.д. Теперь я стою на пороше перелома своей жизни. Так же Алексей говорит и утешает, есть семья, покой и только делай свое дело, без страха. Квон говорит, что надо осуществить себя хотя бы на 40%. Почему на 40, а не 10 или 70?

16 июля 1987 г. (четверг) У Арслана пили чай, отвез Ольге картон из мастерской для темперы. Рисовал с репродукции. Вспоминали о Савицком. Алексей обещал диктовать воспоминания, если я напечатаю статьи в газете. Арслан и Ольга настаивают, чтобы я написал воспоминания о Савицком.

[Введите текст]

Просмотрел газеты. Хорошая статья Девятова о красках и холстах. Краски ухудшились в качестве, их стало меньше, они стали дороже, «Корифеи» снабжаются импортными красками. Положение пиковое.

17 июля 1987 г. (пятница) Просыпался в восемь. Потом окончательно в десять. Звонили семь раз, я не брал трубку и думал о том, что в музее говорят «много реставрации», а не могут платить полную ставку реставратору, хотя полставки пропадает. И вообще – платить реставратору надо не за время, а за количество, площадь и качество реставрации. Я получаю не 170 рублей как они, а всего 57 рублей в месяц. Соответственно и продолжительность работы. Ну да ладно, все.

Стыдно. 33 года возраст Христа, а я с тыквами вожусь и не работаю творчески.

Надо ломать свою жизнь и твердо браться за своя жизнь.

Все-таки поставил варить бульон из кусочка мяса, что нашел в холодильнике. Скоро я его опустошу и отключу, чтобы зря не расходовать электричество.

22 июля 1987 г. (среда) В дороге встретил художника Сапара. Он жалуется, что после смерти Савицкого каракалпакских художников не покупают.

Я подумал, что у меня семья, дети. Но смотрю в будущее с оптимизмом. Надо идти до конца и, несмотря на все лишения и трудности, добиться приема в члены Союза Художников, чтобы получить возможность сбыта работ, говоря коммерческой терминологией. Главное, не сбиваться на производственную, оформительскую работу и постараться максимально выразить себя в станковой живописи и графике. Сделать вещи, за которые не будет стыдно моим детям и чтобы они гордились своим отцом в будущем, когда меня не будет, возможно, могли получать прибыль с моих работ, хоть как-то помочь им потом, если сейчас не в состоянии. Люда всегда меня в этом поддержит. Мастерская есть, есть и комната отдельная дома, есть мир вокруг, есть мои любимые дети, жена, полностью доверяющая мне и покорная, верящая в мое предназначение художника так, что все обойдется.

23 июля 1987 г. (четверг) Утром звонила Люда, просила выслать деньги. Потом добавила, что, наверное, мне надоела просьбами о деньгах. Я сказал, что не приеду, чтобы она сама приезжала. Она видимо огорчилась, но вида не подала. Сказала, что нет денег даже на мороженое детям, и что она ходила к портнихе перешить старое платье. Если я хочу чтобы она приехала, просила прислать ей денег на дорогу в Нукус.

24 июля 1987 г. (пятница) Передавали сообщение о крымских татарах, возможно, нам вернут Родину. Это волнует. Нас защищают Окуджава, Приставкин, Баруздин. А разве русские, украинцы не сотрудничали с оккупантами? Но еще вопрос не решен положительно, хотя дело сдвинулось с места.

В последнее время у нас в области массовой культуры все больше заимствований современных западных приемов радио и теле и печатного вещания. И в жизни - демократизация по западному образцу. Запад подается не таким уж враждебным и развратным монстром. Показывают, что там тоже живут нормальные люди и в некоторых областях быта жизнь устроена вполне разумно. А нас перестают замалчиваться проблемы. Стали говорить о том, что есть и что мы видим. Но поздно. Поколения людей разуверились в идеалах.

В сущности 7 лет жизни в Нукусе это время «утраченных иллюзий». И в то же время - колоссальной работы.

Меня мучает неудовлетворенность собой и т.д. Все что ни делаю я - не зря, даже то, что много пишу, это принесет в свое время свои золотые плоды.

[Введите текст]

25 июля 1987 г. (суббота) После восьми вечера. Смотрел фильм «Чистое небо». Хрущевская весна, но с хэппи-эндом. Намекает на колоссальные жертвы наши и страдания народа в период сталинского культа личности. Ужасает огромная статуя Сталина в парткоме завода. При нашем социалистическом строе и централизации большое значение имеет - кто стоит на самой верхушке партийной иерархии. От него все зависит. Ленин говорил о демократическом централизме, а привели к просто централизму, без демократии, взаимная слежка, подозрительность, доносы, репрессии обрушились не только на отдельных людей, но и на целые народы, которые изгонялись с родных мест.

Как все в мире взаимосвязано. Чудовищные гонения и наше рождение, и рождение наших детей. Мы все родом из Октября, лучше не скажешь. Все взаимосвязано и нынешний застой и прошлый ужас. Как все трудно происходило. Благие цели и подлые средства - как все уживалось в нашей стране. Архивы закрыты, а если их открыть – то какой ужас будет. И при всем этом предлагается сохранить веру в коммунизм, когда практика его строительства дискредитирована.

Сомнения - вот мой бич и бич всех интеллигентных людей. Важно чтобы дом не был убежищем, а был кровом. У меня же он зачастую превращается в берлогу и убежище, а не в необходимую машину для жилья как говорил ле Корбюзье.

Наблюдал вечером, крики детей, бегущих от собаки, черной овчарки, которую натравливал на них подросток, обкуренный или пьяный, который живет в нижнем коттедже, о которых мама предупреждала, что от них надо держаться подальше. Потом подошли видимо его дружки и его увели.

28 июля 1987 года. Почему один становится космонавтом, другой – талантливый не менее, становится бичом и наркоманом, где корни успеха и неудачи, взлета и поражения в жизни? Это капитальная мысль, как выразился бы Достоевский. Все решает воля и воспитание.

Задача на ближайшие часы – надо оклеить до конца стены газетами, потом поехать к Арслану и взять обои.

Прав был Хемингуэй, что на завтра надо немного оставлять, чтобы было завтра с чего начать.

Ну да ладно. Я жив, здоров. У меня есть детки, жена, родные, есть кров, профессия и я буду долго и счастливо жить, трудиться не покладая рук. И все это окупится мирной смертью в кругу родных.

Арслан повез детей на рыбалку, отказался от вечерней работы в ресторане. Ольга накормила их и тушеными баклажанами. Ольга бледна что-то, устала, работает над плакатами на тему Арала.

Купил сигареты возле Юбилейного, видел проститутку с золотыми зубами, ее кавалера и милиционера. Подходя к дому, видел заплаканную девушку и парня, который обижал ее, она плакала. Видимо отдала ему свою невинность и он теперь хочет смыться.

29 июля 1987 года. 16.00. В жару съездил в квартирный отдел – Голгофу тысячи рабов. Только затем, чтобы узнать, что если я хочу что-то узнать, надо прийти завтра после обеда. Ну что же – польза – испытал себя на выносливость и размялся малость.

Когда обратно ехал в лицо дул жаркий ветер. Проезжал бетонную площадь с памятником В.И. Ленину, грандиозно зелено-коричневый под палящим зноем. Притормозив, пропустил белую Волгу с развалившимся на заднем сиденье и высокомерно, с презрением смотрящим из окна на всё каким-то начальником. Что бы ни говорили о перестройке, о том, что это действительно веление времени, реальная власть вот у таких страшных людишек и они ни за что ее не выпустят, со всеми ее деньгами, благами и привилегиями.

[Введите текст]

30 июля 1987 года. Ездил к Квону. К нему заходил Куттымуратов, вернее, к его матери за жиром собачьим для больной туберкулезом жены и/или дочери.

Советский социализм – грандиозный социальный эксперимент по манипулированию, помешательству группы людей, воспринявших теоретическую концепцию марксизма, как последнюю и самую правильную справедливую концепцию мирового развития. Люди взяли на себя власть не только над природой, но и над человеческой историей. И все возвратилось к подобию Римской империи, плюс древнеегипетская концентрация власти, возвеличивание и обожествление личностей-богов.

Был в музее. Там меня не включили в ведомость на зарплату, ездил в бухгалтерию, там тоже нет, главный бухгалтер говорит, что я жаден до денег. Так она шутит...

Заехал к Эльмире сказал, что денег в бухгалтерии не выписали. Она сказала, что они этот вопрос рассмотрят. Эльмира отменила мой творческий день, свободный от работы в музее, так как я не член Союза художников. Выживают меня. Но я не сдамся и буду работать. Надо продолжать держаться за музей как за плот ради детей. Теперь буду работать одну неделю три дня, другую – два дня в музее, и таким образом все будет нормально, хоть отдам долги за продукты на зиму.

2 августа 1987 года. Теперь я после смерти Савицкого остался беззащитен. Предстоящие две недели я буду ходить по 3 дня в музей, потом 2 дня и 3 дня, 2 дня и 3 дня. Они хотят, чтобы работал на полную ставку, а платят полставки. Я и буду работать на полставки.

Это очень сложный мир, женский, наподобие еврейского. Всю историю их били, унижали и теперь они берут реванш. Не все, правда. Есть и прекрасные великодушные женщины, наподобие Ольги, моей Люды и мамы.

Как молод был Ван Гог, когда умер в 37 лет и Тео в 33 года. С какими трудностями они столкнулись! Мне легче, я встретил в своей жизни Савицкого и до сих пор у меня изредка картины покупает музей.

Ван Гог и Рембрандт – вот две путеводные звезды. Устал, курю на кухне, слипаются глаза. Ладно, все обойдется. Только надо хранить покой и веру в себя. С голоду я не помру и детям не дам помереть. А искусство сделаю. 2-х летний перерыв и кризис должен принести свои плоды.

3 августа 1987 года. Спал глубоким тяжелым сном 5 часов. Проснулся неожиданно. Снилось почему-то Бабаназарова и Шпаде в новом книжном магазине на улице Калинина. Я поздоровался с ними вежливо. Самочувствие подавленное. Нелегко мне дается решение оставить музей.

Какой-то рассеянный белый облачный день. Все залито жутким разбеленным светом на улице и не единого человека, только в тени соседней четырех-этажки сидит старуха в белом.

Сдал книги, отчет за полугодие и заявление об отпуске без содержания. Айгуль обещал помочь с деньгами. Отдам ей при случае.

20.40. Прекрасное ощущение воли и свободы как только вышел в неоплачиваемый отпуск в музей. И правда, художнику для творчества нужна свобода и возможность самому по своей потребности заниматься своим делом и планировать свое время. Мне 33 года, пора начинать серьезное дело, чтобы остались картины и имя для детей.

21.30 Квон собрался с Туковым Женей на «Курьера» в «Аму-дарью». Я отказался оттого, что нет денег.

Люда звонила сегодня. Видно измучилась долго звонить. А у меня здесь произошел перелом и созрело решение, которое окажет большое влияние на наши нераздельные

[Введите текст]

судьбы. Но самое главное, что это трудное решение стать художником принято и от него не надо отступать и оно когда-то принесет свои чудесные, хоть и горькие, как я подозреваю, плоды. (Какая таинственная фраза выползла из-под руки...)

У Алексея говорили о нашем духовном одиночестве в физической и духовной пустыне этой провинции. О том, что духовную пустоту мы заполняем разговорами, кино, книгами, а иначе можно сдохнуть от тоски.

4 августа 1987 года. Немного злюсь на глупость или умысел музейных женщин не дать мне ставку на лето и не платящих даже полставки. Они мстят мне, вроде, за то, что я не помогал им при развеске экспозиции и назвал их «бабами». Шпаде вдруг поздоровалась со мной в последний раз. Да и я с ней заговорил. Просто чтобы не казалось, что я из-за того ухожу из музея, что обиделся.

Вечером поеду к матери Алексея, возьму 100 рублей, она обещала дать в долг. Что-то мне грустно и ничего не хочется делать.

23.30 Приезжал Арслан, сказал, что Ольга завтра уезжает днем на 10 дней в Ташкент. Арслан показался мне усталым и не в духе. Видно оттого, что Ольга уезжает. Ольга приготовила плов и Арслан долго мне названивал, зазывал.

Я оставляю надежду на то, что Квон вернется в музей. Они что-то там затевают с Куттымуратовым и министром, а меня просто выдавливают из музея. Что-то очень охотно они меня отпустили в отпуск. Я больше туда не вернусь, как бы я не голодал. Не буду терять время и буду заниматься живописью.

5 августа 1987 года. 16.00 Валя сказала, что Бабаназарова просит прийти и указать в заявлении - до какого времени я беру отпуск без содержания. Видно хочет со мной поговорить и выяснить, что я хочу? А я не хочу работать в музее. Я хочу заняться творческой работой, и я устал от интриг в музее.

Бабаназарова хочет сохранить тот дух и коллектив, что был при Игоре Витальевиче Савицком или хотя бы выяснить, в чем дело и сохранить мужчин в музее.

Открыл банку рыбных котлет и сварил и поджарил остатки лапши из целлофана в верхнем подвесном шкафу.

Алексей обижен, что его работу не включили в московскую закупку. Уязвленная гордость, рушащиеся планы, стремление куда-то уехать. Клубок противоречивых чувств, зависимость от мелких музейных закупок и гордость.

Шпаде как-то сказала, что меня ждет тоже будущее, как и у Квона. Но у меня сложнее. Я должен заботиться о семье. В музей не вернусь. Сделаю «нечаянную» радость им всем.

10 августа 1987 г. (понедельник). Перечитываю «Войну и мир» Толстого. Много французских фраз в тексте, речь дворян того времени. Это было так давно. Хотя времени исторического прошло не так много, они уже сметены кровавой революцией, уничтожены и разметены по свету как класс. Надо, кстати, маме отнести брусок для чистки ножей. Утро в разгаре, визг детей, голуби за окном. Белый свет солнца и чистое светло-синее небо. Во тьме могилы лежат Савицкий и Алимжан-отец и тихо и вечно спят, забыв о себе, о нас всех, помнящих их.

Жара на улице. Только ночью и утром хорошая прохлада. Сегодня октябрь, должен ехать в экспедицию на Джампык-Калу. Думаю, что надо максимально использовать солнечный свет с раннего утра и до позднего вечера. С рассветом вставать и с закатом ложиться. Так можно организовать себя. Опять обращаюсь к словам И.В.Савицкого – «Надо ходить в музей и изучать картины. И писать свои». Женщины в музее, прекрасно зная мое стесненное положение, наступили мне на горло. Чисто по-женски глупо и недалёковидно,

[Введите текст]

не видя дальше своего носа и сиюминутных проблем. Я нужен музею не только как реставратор, но и как специалист в живописи, графике, в истории искусств. Они думают, что только я нуждаюсь в музее, хотя это дело взаимное.

Современные писатели не выходят в идеях за рамки своего времени. Поэтому они не перечитываемы, исчерпываешь их за один раз. А Толстого, Достоевского можно много раз перечитывать, опять и опять погружаясь в мир их романов, по-новому каждый раз осмысливая их точки зрения на проблемы вечные бытия и мироощущения. У этих писателей за спиной огромные вековые традиции и глубоко религиозные сущности. Теперешние же писатели лишены корней и не входят естественно в контекст развития мировой культуры. Айтматов попытался в «Плахе» нащупать эти религиозные мировоззренческие связи, но какой же поднялся вой критиков о Богоискательских тенденциях. И не плодоносит дерево, лишенное корней.

Из музея надо уходить, чтобы вырваться из ограниченного мирка, который так или иначе все равно влияет, просачивается в сознание и образ мыслей неким липким туманом и укорачивает стремления к творчеству. Окружение имеет колоссальное значение и если оно не возвышает, лучше быть больше одному и лелеять свои устремления в тишине одиночества, нежели опускаться до уровня склок. А так, в общем, неплохие женщины.

Проехал большой круг на велосипеде мимо своей прежней квартиры, время прошло, теперь там живут какие то другие люди, висят цветастые занавески и тусклый красный свет. Проезжал мимо 9-ти этажки, бывшей квартиры Савицкого. Грустно. У Куна тоже света нет, видно смотрит «Дерсу Узала» первые серии по Нукусскому телевидению.

Прекрасно пить чай зеленый горячий и слушать узбекскую музыку, боже мой, как ее много.

11 августа 1987 г. (вторник). О музее думаю все меньше. Зачем мучиться 3 дня в неделю ради 50 рублей в месяц. Это глупо и не выгодно. Я много жизни отдал музею, почти 8 лет. Хватит. Пора заняться творчеством.

15-го приезжает Ольга. Наконец. Без нее какая-то пустота. Мама хочет завтра на рентген съездить, потом к Арслану готовить Роме бешбармак. Вспоминала отца. Говорила, что сделала ошибку, приехав сюда, но уже примирилась, жизнь почти прошла и судьба ее и наша безвозвратно затянута узлами на Арслана.

Утром завтра надо съездить на выставку и в музей посмотреть картины. И забрать пачку своих акварелей, что я там оставил.

12 августа 1987 г. (среда). Я уже привыкаю к своим бессонным ночам, встречам рассвета, к дневному сну. Около 7 утра. Рассвет. Хлопают крыльями голуби, лает собака. Женщина из нищего коттеджа сошла из-под полога на топчане. Какой-то толстый мужик принес две в тяжелых мешках мусор. Выколачивает их. Женщина спотыкаясь, идет в туалет, крытый шифером и выкрашенный желтой краской. Слышен в доме скрип дверей, даже шум воды в туалете. Сверкнула золотая сережка на женщине. Пропел коротко петух. Шумок упругих крыльев голубя перепархивающего с балкона на балкон. А если прислушаться раздается повсюду щебет воробьев. Старуха выползает и с трудом карабкается по лесенке с топчана, белая кошка вспрыгнула к ней и выгнула спину. Гул проносящихся машин по улице и воркование голубей. Небо удивительных тонких оттенков, розового, светло-фиолетового, серого и светлой охры. Издалека зазвучали мелодичные удары курантов. Человек может ко всему приспособиться.

Проснулся и лежал, думая о всяком, в том числе о вечере в доме Фаворского, когда чествовали Павла Басманова, художника графики из Ленинграда, у него была красивая

[Введите текст]

дочь. Тогда гости съели почти все, что было на столе, Маша Фаворская своим тоненьким голосом пела русскую народную песню.

Лежал, вспомнил Музей, подумал о возможности вернуться, ведь там будет повышение зарплаты, думаю, не назло ли кондуктору вышел из трамвая, но вспомнив, что там мне не дадут спокойно работать, решил, что не вернусь туда.

Читаю Библию. Может быть осмелюсь сделать к нему иллюстрации. Рембрандт в сущности, всю жизнь делал иллюстрации к Библии.

Вчера смотрел альбом рисунков Хачатряна. Его поддерживают видимо армянские меценаты Москвы и Еревана, новая аристократическая буржуазия Москвы. Некоторые его рисунки мне нравятся очень, другие производят впечатление салонных произведений. Есть ощущение того, что это сделано не в нашу эпоху, эти рисунки могли быть сделаны когда угодно. Есть так же привкус надуманности и такого идеального совершенства, что отдает мертвенностью, безжизненной красотой. А Хачатрян, словно подчеркивает, до чего я вот хорошо и красиво рисую. Чем-то он напоминает Шилова. Из его рисунков мне больше всего понравились его портреты жены и обнаженные. В целом его творчество вызывает к себе чувство уважения. Красивы работы, в них есть искусство, большая преданность к нему и огромное трудолюбие, даже аскетическое самоотречение в чистом отношении к художеству. Другое - ему не хватает изредка вкуса.

13 августа 1987 г. (четверг). Еле брезжит рассвет. Как хочется, чтобы скорее наступил рассвет. Это трудное время, говорят, на рассвете умирают те люди, которые не могут или не хотят видеть будущий день.

Я свободен и отдыхаю. Еще полмесяца, потом преподавание, календарно-тематические планы, и творческая работа в мастерской. Конечно, я не накажу своим уходом музейных дам, просто мне невыгодно на теперешних условиях оставаться в музее и пора становиться на свои ноги крепко, заняться творчеством, ведь жизнь проходит.

В Ташкенте, во время моей учебы, основным фоном всех моих безумств и пьянств было ощущение какого-то революционного «кубинизированного» кризиса мировоззрения и почему-то ощущение близкого конца света, а потому стремление насладиться пока жизнью, дионисийское настроение, как назвал его папа. Теперь же совсем другое, разочарование бытовой жизни в провинции, и несмотря на это упорное желание подняться и делать свое дело, чтобы не ощущать пустоту, никчемность существования и чувство неудачи после смерти Савицкого, о которой я даже не помышлял.

Мне не надо говорить, что я навсегда и наотрез ухожу из музея, и что я через некоторое время надеюсь вернуться и поработать реставратором, что пока мне позарез нужно свободное время для творческой работы. Надо будет объяснить, что у меня был долгий перерыв в живописи и теперь мне надо наверстать свое упущенное. Думаю, Мариника не одобрит, но хотя бы поймет.

Как мне хочется, чтобы Алимчик стал хорошим человеком, без пороков и отклонений. Чтобы он был не карьеристом и подлецом, а настоящим большим и добрым человеком, чтобы он был глубоко и широко образован, любил литературу, живопись, музыку и имел хорошую профессию, которой бы он с любовью занимался и она была бы ему не в тягость. Как я соскучился по деткам и Люде.

14 августа 1987 г. (пятница). Сегодня воздух стоит недвижен, даже вечером жара и духота. Слушаю радио. Что-то меня не отпускает чувство безнадежной грусти. Как туман оно меня обволакивает и я тону в нем. Ощущение безнадежной обыденности на фоне вымученного веселья по телевизору, где другой фешенебельный мир самоуверенно-наглая Москвы. А здесь грязная, душная провинция, пропахшая вонью канализационной

[Введите текст]

из подвалов, комарами, мухами и вонью общественных туалетов, зловонием помойки в ржавых баках. Я как в капкане.

16 августа 1987 г. (воскресенье). Подумал о музее, о том какими словами я объясню свой уход. Да простит меня Игорь Витальевич, Царствие ему Небесное. Я вынужден уйти, не могу и не хочу дальше оставаться в музее.

Лиза на крыльце догнала и передала привет от А-ны, видела ее в гастрономе. Может быть, что ж, она тоже человек, почувствовала, что переборщила и зашла далеко, успокаивает свою совесть. Ну да ладно, решение принято и жизнь покажет как быть.

В парке толпа перед будкой газоды приезжего старика-армянина. Девушки, довольно красивые, сидят на скамейках, по аллеям прогуливаются молодые с немецкими колясками. Деревья возле танцплощадки освещены вспышками красного цвета, доносится какая то музыка. В городе часть большая ламп отключена и освещают улицы светом фар, мчащихся довольно быстро автомобилей.

18 августа 1987 (вторник). Был в выставочном зале - выставка Ташкентских, в основном, художников. Уровень средний, вроде, профессионалы, но почти все мертво, бездушно. Однако всегда можно найти что-то хорошее. И я попытался. Много акварелей.

Прекрасные натюрморты Талдыкина и одна обнаженная 72 года. Несколько хороших пейзажей. Все очень мастеровито и больших размеров. Понравился маленький драматичный натюрморт Бурмакина 68 года. Пейзаж промозглого зимнего парка Вениамина Кима, натюрморт Ахмедова Рахима с апельсинами и зимний горный пейзаж. Садыков очень изыскан, даже рафинирован, его температуры пейзажные - очень красивы разбелено-охристые, красноватые. Но в них есть явное намерение поразить мастерством, красотой. На выставке пусто, льется с потолка канализационная жижа из жилых помещений сверху, вонь от канализации снизу. Народа нет, случайно забредшие дети. В целом работы грамотные, профессиональные и мастеровитые. Например, «Гранаты» Бурмакина 68 года, там есть глубокое чувство, но он пошел по пути интерпретации природы, а не ее благоговейного изучения. Поставил себя над природой. А надо слиться с ней. Хотя это мастер, профессионал высокого класса.

30 августа 1987 г. (воскресенье). Скучно без Алима. Однако, странное чувство свободы, тишины, торжественные арии по транзистору. Какое счастье, я, наконец, после 2-х летнего перерыва приступил к творческой работе.

С музеем распрощался, говорил с Мариникой Маратовной и Шпаде, что не мыслю себя реставратором и подготовлю Рамилю на смену себе. Квон сидит по-прежнему дома, поправляет своих вечных чабанов белилами. Два дня пишу, ругаюсь с первокурсниками в училище. Латыпов кажется, прикинулся больным, остальные художники не появляются. Видел, правда, Джаксыбаева и Тулегенова. Он хочет уходить из училища и говорит, что 2 тысячи, которые он получает в училище, он добудет, взяв минимум два заказа в художественном фонде. В сентябре думаем с Людой закрутить еще томатный сок, приправу, баклажаны, варенье на зиму. Она, кажется, совсем не отдохнула в Ташкенте.

31 августа 1987 г. Просыпался, когда только рассвело, встал 8:45. Сходил в туалет во дворе. Умылся. 9 часов утра. Утро хорошее, прохладное. В мастерской и коридоре слегка душно. Раскрыл дверь, окно настежь. Проветриваю комнату. Раздумываю, ездить ли на рентген. Потом в училище. До часу дня был на педсовете, делал зарисовки, до чего это муторно, сидеть на собраниях. Позже подошел Ислам Джаксыбаев. Мы вешали керамические блюда и эмблему на планшете. Директор обязал прийти всех в три часа.

Однако, хорошо в мастерской и просторно, вымыл полы. 16:37. Сходил в училище зря, ничего там нет. Заходил Ислам говорил, что у меня 500 холстов, если каждый продать даже по 20 рублей (по две бутылки водки), то будет 10 000 рублей.

[Введите текст]

20:30 вечера. Ранние сумерки в мастерской. Заметил, что я часто мою руки. Прямо физическое ощущение нечистоты. Ощущение дискомфорта в квартире, все чуждое, дух какой-то бабий и детский. Был хмур с Людой, потом поел борщ, чай. Она сорвалась и при Алиме стала кричать мне: «Ты, сволочь, уходи и не приходи больше!». Я вышел на балкон с сигаретой и подумал, что это разрыв, настоящий разрыв и все кончено. Я эту тещу физически не выношу, не могу забыть, как она в 81 году выгнала меня из дома, в самых тяжелых обстоятельствах, когда надо было защищать диплом. Я этого никогда ей не прощу, моих мучений, тоски, сбитых ног, долгих поисков квартиры. Это была драматическая ситуация и помню только Желудов Дима помог мне.

Подумал о Квоне - с чего я взял на себя функцию добровольного его маршана? Подумал я о том, что мастерская, искусство - это последнее прибежище мое как художника, все кончено, с прошлым нет связи. Все нити оборваны, и мосты сожжены, и я делаю одну ставку на живопись и искусство, литературу, а цена – моя жизнь. «Смерть для жизни, а жизнь для искусства», вот мой лозунг теперь и наконец. Я, свободен по-настоящему теперь. Надо вынести одиночество и искусство. Я не погибну в неизвестности. Жалко только Алимчика, он, правда, пока не очень нуждается во мне, подрастет, я ему помогу. Деньги почти все буду отдавать на семью. Пусть Люда уезжает в Ташкент и живет, как хочет. Если она добьется отдельной жилплощади (какое противное слово) – я, возможно, приеду. Люда очень изменилась. Я для нее больше не друг, единомышленник, а «муж». Спасаясь бегством в мастерскую. Одинок и трудно мне, но я все преодолею.

1 сентября 1987 г. В училище заставил студентов убирать классы, начал заполнять журнал. Там пришел новый педагог Адильбек Ходжаев, кончил институт по керамике. В мастерской, убираюсь, завтракаю. Кефир, хлеб с маслом. Надо еще привезти зеркало, тапочки, сахар, воду, чай, кефир, «Каренину». Будут деньги - надо сначала расплатиться с долгами. В кассе музея, 35 Арслану, маме 200 постепенно. Потом купить большое зеркало для автопортретов, портативный магнитофон и пишущую машинку.

14:50. Задремал на раскладушке и прямо у плеча спугнул маленькую мышь. Встрепенулся и проснулся, сна как не бывало.

16:42. Поел дыню. Сладкая, переспелая, с хлебом. Подвесил хлеб, и сухари в мешке в корзине к потолку от мышей, дыню накрыл в тарелке платком. Хочу позже съездить за точилом, зеркалом, дыней, мышеловкой, водой, кефиром, тапочками.

20:13. Ездил, пил чай у мамы. Они сидят без денег, чуть не голодают, в казане только молоко. Пил чай с печеньями. Мама шьет себе платье. Ругала за ссору с тещей. Я объяснил ей, что не могу ее простить, как она меня выгнала, когда надо было делать диплом, в самое тяжелое время подвела.

Привез в мастерскую зеркало, кефир, воду, чай, мышеловку, точило, тряпки. Туалет деревянный во дворе. Дерьмо, смрад, мухи. Боже мой, в какую дыру меня заманил Савицкий! Маме сказал, что, возможно, разойдусь с Людой и женюсь заново, но лучше не связывать себя с новой обузой, а заняться творчеством. Мама не спорила, но сказала - жизнь такая короткая, очень короткая, не заметишь, как она пройдет. Днем слушал Лихачева. Письма - проповеди. Он советует писать дневник и воспоминания с молодости. Сумерки, третья ночь в мастерской. Кажется, никто из художников не работает творчески, все заняты добычей денег, наживой.

21:00. Становится все темнее и темнее. Все чаще возвращаюсь мыслями к Савицкому, его жизнь кончена навсегда и вот он лежит, гниет в могиле, едят его черви, он смердит, черная ограда над могилой и вечный покой. Жил он полной жизнью, и как звезда здесь сверкнул, боролся, трудился и исчез навсегда. Бог знает, как бы повернулась моя жизнь, если бы он не повстречался мне когда-то.

[Введите текст]

2 сентября 1987 г. (среда). Все, мне ничего не нужно, только книги и творчество. Эта боль в груди тогда возникает, когда я нервничаю, не нервничать - это главное.

Новость. Школина отбила у Сониной Ефремова и живет с ним в 9-ти этаже. Сониная ушла к себе, к бабуле с Максимом. Ольга музейная возмущена этим предательством.

Мама жаловалась Арслану, что я плохо отношусь к теще. Он сказал, что антипатию не преодолеть и чтобы она сама своими сердечными разговорами с тещей заглаживала мой промах.

3 сентября 1987 г. Курю последнюю сигарету. Сегодня вспоминал М-ра. Он всего 10 лет здесь прожил, сгорел и ушел, не прощаясь. Я сказал это его вдове Г. Сын М-ра очень милый, трудолюбивый и чистый мальчик. Однако, как много на ней золота!

Возможно, завтра будет зарплата и смогу поехать на Джампык, на этюды. На 3 дня, хоть переменить обстановку. Постепенно снимаю щиты с окна. Вечереет. Впускаю больше света в комнату. Чуть не написал в «дом». А это и есть мой дом теперь, моя мастерская. Немного прибрался. Помыл ведро, наполнил водой умывальник до краев. За окном шумит день. До чего противен звук машин. Чавканье, визг, вой, гарь для этого скопища людей. Вот и осень. Ольга говорит, что Арслан нервничает из-за отсутствия денег. Сама она халтурить не хочет. Сидят без мяса. Арслан на распутье сейчас. Все будет хорошо, думаю это временные трудности и обойдется. Главное жить спокойно.

4 сентября 1987 г. 9:00. В 4:00 ушел не торопясь, получил 28 рублей в кассе училища. Купил книгу Стоуна, 2 курицы, 3 кг камбалы, отнес маме. Что-то на Джампык раздумал ехать, далеко идти. Все там исчерпано и прошлое не вернешь. Видел чистенько одетого, с брюшком партийного босса, с депутатской книжкой, берущего что-то в магазине. Жирные как быки, век у кормушки, так они там и остались. Для них нет «дефицита».

Приятно поглядеть на книги. Это страсть - коллекционировать книги. Они останутся и детям, и никогда не предадут и всегда с тобой будут, при всех горестях и тревожностях жизни, открывая вселенную мироздания, учат хранить мужество при всех испытаниях. Это главное мое богатство после детей и живописи.

Модель общества – охранники, осведомители, руководители и руководимые, обманывающие и обманываемые.

6 сентября (воскресенье). Думаю что у нас, да и во всем мире, система слежки, доносов, осведомительства крепко поставлена и все более совершенствуется, пронизывает мелкочейистой сеткой все общество от роддома до кладбища.

8 сентября (вторник). Договорился с плотником Каримом сделать 3 планшета, 90x60 для Ольги, и окантовать 19 работ по 3 и 2 рубля. Дороговато. Надо попросить его сделать мне сусликостоярное и самому оформлять работы.

10 сентября (четверг). Заставил двоих студентов написать объяснительные, почему они не были на композиции. Те отказались писать и вызвали Танташева, физрука. Он прибежал, наорал и побежал жаловаться директору. Бывший староста вместо объяснительной написал донос. Подумываю уйти из училища, там нечего делать мне. Студенты тупые, бессмысленно обучать их. Но куда я пойду? Только халтурить. Страшно, да я и не умею толком. Хотя это приходит с опытом и можно научиться.

11 сентября (пятница). Вечером пошел домой и был до вторника, пока не приехала теща из Турткуля. Закрутил 23 литровые и 800 граммовые банки баклажан, в ночь с субботы на воскресенье. Простыли с Людой. Горло, насморк, кашель. Лечились усердно.

21 сентября (понедельник). Привез 14 банок кефира, 2 сметаны, литр молока и несколько книг из мастерской. Сдал пустые бутылки, когда ехали следом за Людой в детсад, около

[Введите текст]

магазина Алимчик стал слезать с сиденья и просился домой. Плакал, кричал, не хотел в сад. Утром мы отнесли с ним маме кефир и масло. Она лежала и говорила, что ночью плохо себя чувствовала, и у нее был озноб. Я думаю, что она переутомилась вчера, стирала, гладила белье и одежду актеров из театра. Приехал в мастерскую, 10-й час. Минутная стрелка потерялась куда-то на часах.

24 сентября (четверг). Прохладно. Хожу в костюме. Иду из училища в аптеку взять мазь для Азиме от болячек на голове и камфорный спирт для пчел Елизавете Григорьевне. У Азиме Люда обнаружила вши из детсада. Нашлись и у меня, а еще больше у Люды. Вчера постельное белье вынесли на балкон и мылись, вычесывались допоздна.

В обед ходили в выставочный зал, заодно я отнес туда еще две небольшие работы студента Пирматова, мастеровитые, яркие, от сюзане.

30 сентября. Вчера Люда заняла у Лены сверху 10 рублей. 5 дала из них маме. Отец должен лечь на обследование в больницу, а денег нет, всего один рубль.

15 октября. Возвращаюсь к более или менее систематическому дневнику, после месячного перерыва. Основные припасы на зиму сделали с Арсланом: картошку, яблоки, лук, тыкву. Уже по ночам примораживает. Сегодня у меня рисунок и живопись 2-го курса.

По-прежнему нет денег. Смешно сказать, Люда получила 60 рублей и говорит, что для нее это кажется так много, что у нее кружится голова. Как же мы обеднели, вернее, всегда были бедными!

Все бытовые основные дела, кажется, закончил. И скоро начну писать после ровно 2-х летнего перерыва. 3 года прошло со смерти Савицкого. Как будто прошла целая вечность со времени той, другой жизни.

18 октября. Алимчик ночью плакал во сне, я взял его к себе в постель, открыл окно. Возможно, что-то приснилось. Поставили обогреватель, отопление еще не включили. Вчера был субботник («всесоюзный», «коммунистический»), я не пошел, а сегодня всех отправили на хлопок. Дома читаю книгу Ильясова Явдата об Омаре Хайяме и догадываюсь, что она написана о самом авторе. Он описал себе в виде Омара Хайяма, но, однако, довольно убедительно.

19 октября 1987 г. Неожиданно вечером, перебирая загрунтованные холсты, чтобы освободить место для работы, присел на ящик и увидел в зеркале свое лицо. Захотелось написать автопортрет.

Дома я начал понемногу записывать свои и мамины воспоминания. Веду дневник здесь в мастерской и дома в другой тетради, пока урывками, но постепенно дело будет продвигаться более систематично.

21 октября 1987 г. Сумерки в мастерской. Продолжил автопортрет, пишется легко и весело. Делаю подмалевок.

Всех тревожит предстоящее повышение с января цен на продовольствие.

23 октября 1987 г. Я занял 70 рублей у Айгуль, в музее, договорился предварительно брать у нее домой на время предметы прикладного искусства для натюрмортов.

24 октября 1987 г. Два раза привез домой грунтованные холсты, детки спали в обед. Ехал в мастерскую, но что-то так стало грустно и не работает. Видно, устал. На хлопок не поехал. Решил, что незачем мне там целый день болтаться, когда надо Алима отвезти домой из поликлиники и переделать кое какие дела здесь дома. Поеду ка я отвезу холсты домой и заеду к Квону, займу у тети Марии, его матери еще 10 рублей и отдам завтра 5 рублей Кариму за рамки для картин Васи Джапарова. Отдохну. Покрашу сейчас рамы.

[Введите текст]

Мне было грустно и тоскливо и я думал, что это из-за погоды, а потом вспомнил, что со мной не поздоровалась моя первая и любимая учительница Ая Имановна, сделала брезгливое выражение лица и прошла мимо. Она была воспитательницей в течении полугода в школе-интернате, м. б. не может простить мне то, что я плохо сделал ей когда то в незапамятные времена стенгазету по биологии, то ли то, что я как-то пришел к ней пьяный. Помнится, что и ее муж страдал запоями. Дочь ее Рита работает воспитательницей в детском саду и говорила Люде, что помнит меня с детства.

Уже темно, поехал домой, ужинать и к моим деткам, а в понедельник, пожалуй, пора сходить в музей к плотнику Кариму и в реставрационную, забрать свой замок и снять папиросную бумагу с «Завода в горах» А. Н. Волкова.

25 октября. Утром после скандала с Людой, когда Алим ложкой рассыпал сахар, Люда, взяв Алима, плакала в другой комнате. Я потом зашел и сказал ей: «Пойдем, иди, кушай». Алим мне говорил уже вечером, вспоминая: «А, я остался там, ты меня не позвал».

Отнес записанные холсты к маме. Отец восхищенно говорит, что это гениально и предостерег мать, чтобы запиралась, а то дадут по башке и унесут картины. Надо продолжать писать и писать серьезно, долго и сразу брать в полную силу, выражать себя через познание мира, ежедневно и полностью.

31 октября 1987 г. Вчера Ольга говорила, что на выставке мои работы повесили рядом с картинами Савицкого, хорошо смотрятся рядом.

1 ноября 1987 г. (воскресенье). В 10:30 принес клей в мастерскую. Погода свежая, но уже с потеплением, народ кое-где топчется, строят бульвар с памятником дружбы народов. Вечером вчера приходил Арслан. Похвалил меня за натюрморт с драпировками, хорошо смотрится на выставке, очень понравились ему работы Савицкого. Говорит: «Я только сейчас по-настоящему оценил его, какая ненавязчивая тонкая живопись. Много цвета, света и воздуха. Чудесно». Ругал банальные плакаты М., архитектора. Я сказал ему, чтобы он относился ко всему этому объективнее и сдержаннее, понимая, что у того есть чины, деньги и теперь ему видимо, хочется сделать что-то для Души. Арслан ответил, уже сходя по лестнице: «Уже если не дано, так не дано». Он отнес на выставку Ольгины плакаты, они сейчас висят в музее.

12 ноября. Директор училища вчера позвал в свой кабинет и попросил нарисовать маслом портрет умершего тестя с фотографии !?

Рашид говорил, что звонила из Ташкента Назира, его жена сказала, что на обсуждении выставки молодых художников нас ругали М. С. и В. А., вроде как среди нас нет художников. Это, конечно, оскорбительно. Рашид и Ольга многое прояснили мне в этом. Если тебя никто не «толкает», не поддерживает, то никому и не нужен, пока не умрешь. Такова реальность. Поэтому надо заниматься своим делом для души и находить дело для кормежки. С голоду не помрешь, а все пусть идет своим чередом.

Видел Валю Сычеву в центре. Сказал, что Квон болен, надо помочь с закупкой. По дороге в училище после обеда, зашел к нему и сказал, чтобы мама его отнесла работы в музей, если он хочет дать что-то на закупку.

14 ноября. Вчера пришла посылка и важное письмо от тещи. Она пишет, что есть возможность обменяться на 2-х комнатную квартиру в Спутнике с доплатой в 3 тысячи. Это надо сделать до весны. Мы с Людой естественно взволнованы. Хоть и страшновато все здесь бросать, но я склоняюсь к тому, что ради будущего детей, надо переезжать. Во всяком случае, попытаться. Вода здесь лучше не станет и поэтому надо ехать. Сейчас пойду, поговорю с Арсланом. Я как в лихорадке, но надо уже готовиться. Разбирать картины. Максимально поработать до весны. Потом, если переезжать, то надо обрывать

[Введите текст]

все концы и делать ставку на Ташкент. Надо готовиться. Пока решили все это держать в секрете. В первую очередь надо продвинуть получение ордеров на наши здешние квартиры. Здесь меня в сущности ничто не держит. Только вот мама, Арслан, музей. Савицкого нет и надо пробиваться в жизни самому.

26 ноября. Отнес 2 работы Квона на закупку. Радость была у них дома, когда я пришел и сказал, что взяли работы «Портрет» - 350 р., «Пейзаж» - 400 р. Мать его даже поднесла чекушку водки в знак поминовения дяди Модеста, который умер 2 года назад.

Мороз и ветер обжигают - невероятно холодно. Были занятия в училище как обычно, возвращаясь, зашли в универмаг. Купил 2-х кур, сечку, лепешку. Дома дети рисовали. Азиме, правда, оставила ноты в школе, а гаммы в музыкальной школе. Продумывал автопортрет в разных костюмах, вроде театра одного актера, примеряя на себя варианты, различные судьбы и социальные роли.

30 ноября. Позавчера ругал Люду, детей разогнал по углам. Все из-за того, что облился горячим чаем Алим, разыгрался, прыгнул с детской кровати. Три дня упорно работаю. Люда простыла, лечится. Мне стало по-настоящему жалко её. Надо мне её беречь. Она прекрасная жена и, самое важное, мать моих детей. Ради этого и её самой надо носить её на руках. А я что делаю. Срываю на ней свое дурное настроение.

Завтра действительно зовут на молодежное собрание в Союз художников. Не пойду. Приезжала С. Гайсина, привезла общие тетради с письмами Ван-Гога, которые я когда-то переписывал. Подарил ей альбом по музею и свой натюрморт с гитарой. Долги 190 рублей. Надо отдать месячную зарплату и больше никогда не занимать деньги.

1 декабря. 4 полудни. Зовет Ольга. Ей присудили какую-то премию за серию плакатов по Аралу и пришли к ней с работы коллеги во главе с Бердибаевым поздравлять. Зовут. Что же делать, надо идти. Вечером был у них, там был Марат, керамист из Чимбая, и Тажимурастов. Ольге дали вторую премию Совмина 750 рублей, кажется. Арслан говорил, что затевают аукцион работ молодых художников.

Надо работать хоть немного в день в мастерской. Провести свет, поставить обогреватель и работать. Субботу, воскресенье, понедельник, вторник и пятницу. Маслом. Ритмично и ежедневно. Дома небольшие вещи, рисунок, водяные краски, эскизы, отдых.

2 декабря. Получил в училище 111 рублей. 85 истратил. Купил 6 книг художественной литературы. Две книги миниатюрные, Нукусский Музей, люстру, удлинители, доски, замок. Осталось 25 рублей. Надо завтра купить 2 килограмма мяса.

7 декабря. Вчера ходили с Ольгой к Латыпову и Кузиевой Назире на день рождения. Подарил этюд «Мазар в Кунграде» 80-го года. Ольга – книгу миниатюр. Она готовит плакаты в Ташкент на выставку.

8 декабря. С утра идет снег. Тихо. Тепло. Вечером Арслан уезжает в Ташкент. Договорились, что он договорится с хирургом Женей Нуровым об обрезании Алима, по приезду Арслана, через 2-3 дня.

10 декабря. Какое счастье иметь семью, детей. Раньше я этого не понимал когда, к примеру, учился в институте еще на первых курсах. Тогда полностью я был погружен в богемную жизнь в ожидании скорого Апокалипсиса.

12 декабря. Люда с Алимом пошли в садик полчаса назад. Так убого они выглядели на фоне уличной грязи. Люда в стареньком черном стареньком пальто узбекского покроя с большой сумкой и в коричневых сапогах. Алимчик бредущий за ней в красном клетчатом пальтишке и подарком - яблоки в белом пакете из-под молока.

[Введите текст]

14 декабря. Ночь. Около 3-х часов кажется. Долго не мог уснуть Алим. Плакал. Наконец, около 12 часов заснул. И Люда измучилась. Я читал на кухне «Все впереди» Белова В.И. Очень талантливый писатель. Сгусток боли, остервенения. Вопль души русского националиста и крестьянина, измученного социальными экспериментами, абсурдом бытия. В целом вещь мощная. Талантище Белов. Дремучий консерватор, грозный морализатор, бичующие пороки современной цивилизации. Однако, вещь заставляет задуматься о многом. О разрушении страны, о крушении вековых уставов, об угрозе возрождения нации. Огромной палате №6 на 1/6 суши. Разврат, агония природы, гармоничных человеческих отношений. Крик боли за поруганную свою страну. Однако в книге есть некоторая композиционная рыхлость, торопливость. Словно он спешил высказаться, хотя бы вскользь обо всем. Проскальзывает нотка обиды за «державу», чуть ли антисемитизм. Но в целом впечатление сильнейшее. У Айтматова более качественно и филигранна отделка формы в «Плакате». Оба сбиваются на эссе, но... политическое. А такое бывает – «политическое эссе»!?

22 декабря 1987 г. (вторник). До обеда был интересный разговор с Латыповым и Ольгой с училища. Потом говорили о трагизме положения молодых художников, с образованием, но без мастерских и т.д.

27 декабря 1987 г. (воскресенье). В четыре часа принес в мастерскую 2 черепа, один дала Ольга. Отнес провод Лизе. В разрушенных мастерских нельзя проводить провод. Буслов, художник, оформитель выглядывает и курит из своей дальней двери. Мастерская Тажимуратова открыта, там полно бутылок, беспорядок, грязь. Надо зайти к нему и поговорить, чтобы он разрешил мне поработать там. Что-то тоскливо и грустно. Выпал мокрый снег и тут же почти растаял и везде грязь невероятная. Пасмурно. Летом Нукус еще как-то окрашен зеленью и солнцем. А сейчас, зимой, он обнажает свою сущность самой грязной дыры на свете. Завтра надо будет принести сюда цигейковую куртку, что мне отдал когда-то Муратов Эдик. Будет все же теплее работать.